



Елена Арс

А где-то рядом
идёт война...

12+

Елена Арс

А где-то рядом идёт война...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67250711

SelfPub; 2022

Аннотация

Трагические события на Донбассе, в самом начале военного конфликта на Украинской земле. Мирное население оказалось в заложниках политических амбиций противоборствующих сторон. Не все решились покинуть родной кров, до последнего надеясь на благополучное разрешение конфликта. Оружейные залпы уничтожили веру в здравый смысл. Всего лишь одна небольшая, но очень горестная история, в которой отражена трагедия не только украинского, но и русского народа... Свидетели кровавых разборок взрослых – дети – сполна познали все тяготы, горе и ужас войны. Старшему Андрейке и младшему Михасику непросто смириться с потерей близких, привыкнуть к новой семье. Но мальчики пытаются справиться с тяжёлыми переживаниями. Искреннее участие пожилой бездетной пары, дальних родственников из Ростова, смягчило боль утраты, помогло адаптироваться в мирной жизни, наполнив теплом ребячьи сердца.

Елена Арс

А где-то рядом идёт война...

К забору, чуть повыше Михасика, плотным бугорком прилепился снежок. Дремавший возле скамейки Тобик насто-роженно приподнял ухо, глухо рыкнул. С противоположной стороны улицы, от группы местных мальчишек отделился розовощёкий крепыш с игрушечным автоматом в руках. Он, то и дело поправляя сползавшую на глаза солдатскую шапку-ушанку, окликнул Михасика:

– Слышь, пацан, давай к нам! Бойцов не хватает. Ты за кого – за них или за нас?

Мальчишка, не дождавшись ответа, подбежал ближе:

– Чего молчишь?! – С досадой махнул рукой – Да ну тебя... Малахольный какой-то!

Михасик вдруг выхватил из рук сверстника игрушку и принялся колотить автоматом об угол лавки.

– Ты что?! Ополоумел совсем? – Мальчишка замахнулся на обидчика, но злобный рык собаки остановил его. Крепыш умчался к товарищам, занятым строительством снежной крепости. Размахивая руками, начал рассказывать им о случившемся. Назревала потасовка. Михасик, размазывая по лицу слёзы, повернул в сторону дома. Пёс затрусил рядом.

Во дворе дома в несколько рядов разноцветными флагами трепыхалось бельё. Михасик сдёрнул с верёвки зелёный в жёлтую клетку женский головной платок. Зарывшись в платок лицом, стал медленно оседать. Вокруг ребёнка с громким лаем бестолково кружил пёс. На шум из дома выскочил кряжистый мужчина, в овечьей выделки, безрукавке. Второпях, на ходу натягивая на ногу валенок, он зацепился за порог. Теряя равновесие, в последний момент ухватился свободной рукой за косяк двери. Наконец, справившись с валенком, подбежал к мальчику и поднял его на руки. Собака ревностно лая, бежала рядом.

– Ну, что ты, что ты, малец? Обидел кто? Так я ему, обидчику твоему так наподдам, мало не покажется! – Пытался успокоить малыша мужчина.

– Вот ведь баба какая! – Позже отчитывал он жену. – И чего тебе эта стирка далась?

На кухне просто, но добротного оставленного дома суетилась женщина с гладко зачёсанными, собранными на затылок седыми волосами. Она наспех вытерла о фартук, повязанный поверх домашнего цветастого халата, испачканные мукой руки и, оправдываясь, принялась раздевать малыша.

– Так платок был тряпка тряпкой, весь замусоленный, в грязи вываленный. Хотела в божеский вид привести. Всё ж память о матери как-никак.

Ласково приговаривая, осторожно, разжала ребёнку пальцы:

– Давай, миленький, платочек пока уберём. Я его вот сюда, над печкой повешу, пусть подсохнет. Потом пройдусь по нему утюжком. А то он мокренький, мятый. Давай сюда, ничего с ним не случится... – Забрала платок, встряхнула от снега.

– Хотела, хотела... Шалёнка-то мамкой пахла. Не забыл ещё, тоскует. А теперь стиральным порошком будет вонять. Эх, дурья твоя башка! Поди, теперь успокой его! – Беззлобно выругался хозяин дома. Подхватив малыша на руки, зашагал с ним по комнате. Покачивая, тонким голосом неумело затянул:

– Жили у бабуси, два весёлых гуся... Ничё, ничё, поплачь, полегчает... Один серый, другой белый... Сейчас братишка твой, Андрейка-воробейка, с учёбы вернётся. Тётя Тася стол накроет. Вон пирожки сладенькие затеяла, специально для тебя... Ииэх, два весёлых гуся! Покушаем, потом кораблик с тобой сядем мастерить. Весной его в дальнее плавание отправим, да? – Михасик закрыл глаза, затих.

Гремя рукомойником тётка Тася посетовала:

– Сколько времени прошло, а всё никак не обвыкнется. Бедный, не повезло мальчонке. – Кивнула головой в сторону спальни, бросила мужу:

– Клади на кровать, заснул уже. Тот, направляясь к кровати, шикнул на супругу хозяин дома:

Да угомонись ты, наконец! Иди на стол накрывай, ужинать пора... – Одной рукой придерживая малыша, мужчи-

на сдёрнул с кровати шерстяной плед. Разбросав сложенные пирамидкой подушки, опустил мальчика на кровать. Укрыв заботливо пледом, вышел из комнаты и задёрнул занавеску, которая отгораживала спальню.

Тёткины причитания прогнали навалившуюся на Михасика дрему. Скрипнула кровать. Это Тобик пробрался под одеяло. Пристроился в ногах и мирно засопел. Михасику вспомнилась недавняя встреча с мальчишкой, его снежная перестрелка с приятелями. Если бы они знали, что такое настоящая война, ни за что в неё играть не стали. И это дурацкое: «а ты за кого?» Однажды, в самом начале войны, Михасик задал такой же вопрос старшему брату Андрейке. Тот укорил его:

– Нянькайся тут с тобой! Если бы не ты да мамка, удрал давно. Автомат раздобыл. Показал гадам, где раки зимуют!

– А где раки зимуют? – поинтересовался Михасик.

– Где надо, там и зимуют. – Отрезал Андрейка.

– А ты за кого бы воевать пошёл? – не унимался Михасик. Андрейка почему-то разозлился. Запустил в угол подвернувшуюся под руку чурку. – Ни за кого. Сам за себя... – помолчал, потом добавил. – За тебя вот, малого, неразумного. За мамку. За батю. За дом наш. За Тобика... Спи и не задавай глупых вопросов.

Мама... Михасик никогда не забудет тот день. Их разбудил нарастающий гул. Дом содрогнулся от разорвавшегося неподалёку снаряда.

Мама откинула крышку подпола и торопливо принялась зашвыривать вещи:

– Живо вместе с одеялами вниз! Быстрее! Андрей, помоги Михасику... – спустила их в погреб.

– Сыночка, вон тот мешочек с сухарями переставь, чтобы не подмокли! Свечи, спички туда же. Михасик, держи своего зайца. Вот ещё одёжка...

Михасик разразился плачем, стал карабкаться наверх:

– А Тобик где? Тоби, Тоби!

– Сейчас, найду твоего Тобика, успокойся. Вот он, под кровать забился! Полезай обратно! Не бойся, солнышко, я рядом. На, держи мой платок. Вот молодец. Сейчас тоже спущусь. Сапожки только с курточками прихвачу и быстренько к вам. Я подпол прикрою, чтобы Тобик не выскочил... Вот так... не бойтесь, родные! Сейчас свечу зажжём. Сейчас, сейчас я тут... – Взрыв заглушил последние слова матери. Взрывной волной выбило оконные рамы. Рухнувшей крышей придавило крышку подпола... и маму. Она осталась лежать там, наверху. Прижав к груди Михаськины валенки и Андрейкину куртку.

Сколько они просидели в погребе – Михасик не знает. Помнит лишь мерцающую во тьме свечу, пляшущие тени на стене и Андрейку. Он крепко прижимал Михасика к себе и всё говорил, говорил, говорил. Но Михасик его не слышал. Этот противный воющий гул в голове, который, как он ни силился, не мог перекричать...

Сначала на него навалились ужас, страх. А потом Михасику стало всё равно. Покачиваясь из стороны в сторону, он безостановочно повторял: а мама? а мама? а мама...

Андрейка напрасно пытался вытащить из его рук клетчатую материю. Михасик не подпускал к себе брата.словно ёжик, свернулся клубком. Подтянув колени к подбородку, прятал лицо в мамин платок.

Тогда Андрейка стал кричать на Михасика, обзывал нытиком и трусом. Затем брат кинулся к полке, заставленной разными мамиными консервациями. Нашарил там сечку для капусты, принялся рубить крышку подпола. Но топорик отскакивал от просмоленного, задубевшего, словно сталь, дерева. Родной дом стал для них могилой. Андрейка швырнул сечку под лесенку и обессилено опустился на матрас. Слез не было. Отчаяние и жуткая усталость забрали остатки сил. Это конец. Мысли путались, то и дело, выдёргивая из потухающего сознания картинки прошлого.

Вот он, Андрейка, чуть меньше Михасика, высоко взлетает в небо. Ему вовсе не страшно. Он знает: в крепких отцовских руках нечего бояться. Раскинув руки, словно птица

крылья, просит подкинуть выше, ещё выше, к самому солнцу! Отец раскатисто смеётся и прижимается к Андрейке тёплой щетинистой щекой.

– Орлёнок ты мой! К солнцу нельзя, крылья спалишь. Лети домой, мамка, поди, заждалась. Завтра ещё полетаем.

– До самого, самого неба?

– До него, самого. А сейчас, брат, пора кушать и спать.

– А ты? А я в ночную смену.

Отец опускает Андрейку на землю и легонько подталкивает к дому. Машет рукой.

– Беги. Пока-пока! Завтра увидимся.

Но завтра для отца уже никогда не наступит.

Ночью Андрейку разбудил длинный, несмолкающий гудок. Со всех дворов выскакивали заспанные люди и бежали на зов гудка, к угольному карьере. Андрейка, в ожидании мамы, долго бродил по пустому дому. Впервые здесь, в родных стенах, ему было одиноко и страшно. Он вернулся в кровать и накрылся с головой одеялом. Наконец, вой прекратился. Андрейка вновь погрузился в тревожный, беспокойный сон. Разбудила его без конца хлопающая входная дверь, приглушённые голоса взрослых.

Наверное, папка с работы вернулся. Андрейка затаился под одеялом в радостном предвкушении. Сейчас он как выскочит из-под одеяла, каккинется отцу на шею – ни за что не увернётся!

Но время шло. Отец так и не заглянул в комнату. Голо-

са взрослых за дверью звучали громче, началась непонятная суматоха. Половицы скрипели на разные лады под незнакомыми, грузными шагами. От обиды у Андрейки защипало в носу. Наверное, про него забыли. Раз так, останется под одеялом, в кровати, до конца своей жизни. Вот умрёт от голода, пусть знают! Чего родители должны знать, Андрейка придумать не успел. Кто-то вошёл в комнату и осторожно откинул уголок одеяла.

– Робятёнок мой дорогой, та ты чего это удумал под одеялом хорониться? Задохнешься, чай не зима во дворе! Ну-ка, вылазь, вылазь. Дай, полюбуюсь на племяшика родного.

Незнакомый дядька с наголо бритой головой, бесцеремонно вытащил Андрейку из-под одеяла и усадил к себе на колени. Затем пару раз подкинул вверх:

– Ехали, ехали, наконец, приехали, бумс! Ну, будем знакомы – дядько Иван. Смешно сдвинул седые кустистые брови, подкрутил с одной стороны кончик пушистых усов.

– Чего молчишь, неужели немой? Ну-ка, открой рот. Так, язык на месте. Оробел что ли? – Дядька потрепал Андрейку за щёку, принялся щекотать усами его голый живот. Андрейка зашёлся смехом. Дядька довольно покрутил головой. – Наконец, растормошился. Давай одевайся и дуй к столу. Потом на рыбалку с тобой пойдём. Покажешь, где тут речка у вас?

У стола, в мамином фартуке и косынке, суежилась немолодая, чуть полноватая женщина с грустным заплаканным

лицом. Андрейка поискал глазами мать, затем вопросительно посмотрел на дядю. Тот успокаивающе улыбнулся:

– Мамы нет, она в город по делам уехала. Там, говорят, с раннего утра младенчиков в «Детский мир» завезли. Ты ведь заказывал мамке братца? Вот за ним и поехала. И папка с ней...

Женщина глухо вскрикнула, зажав рукой рот, выскочила из кухни. Дядя Иван горестно вздохнул, пододвинул Андрейке стул.

– Не обращай внимания на тётю Тасю. Это она после дальней дороги ещё никак не отойдёт. Растрясло маленько на ухабах. Шутка ли сотни километров за полночи на машине отмахать. Давай, налегай на блинцы, пока не подостыли. С чем любишь, со сметаной, вареньем? Тётя Тася у нас кухарка знатная, только успевай за обе щеки закладывать...

Андрейка не заметил, как прошёл день, другой. С дядей Иваном было очень интересно. Он знал много разных историй. Оказывается, когда-то тот был капитаном большого трёхпалубного корабля и даже побывал в разных странах.

Андрейка заворожено наблюдал за тем, как деревянная чурочка под дядиной стамеской превращается в маленький корабль, с кормой и трубами. Он торопил дядю, спрашивал, успеет ли закончить до папиного приезда. Дядя Иван почему-то хмурился и отмалчивался. А у тёти Таси глаза всё время были на мокром месте. Она постоянно вздыхала и гладила Андрейку по голове, как маленького. Это очень злило, но

он не подавал вида, боялся обидеть. Дядина жена была хорошей, доброй. Наверное, это у неё от усталости, от постоянных хлопот и забот по дому. Вот зачем-то зеркало простыней занавесила, велела дяде из большой комнаты лишнюю мебель вынести. В последнее время в доме побывало много людей. Некоторых Андрейка хорошо знал, других видел впервые. Они с дядей о чём-то тихо переговаривались, предлагали свою помощь. Одна тётенька сунув Андрейке в руки липкий петушок, спросила:

– Как же ты теперь один, без папки будешь? Сиротинушка...

Дядя Иван вытолкал тётеньку из комнаты, зло хлопнул дверью.

– Не слушай, Андрей, никого. Какой ты сирота? У тебя мамка есть, братик родился, мы с тётей Тасей рядом. Ничего, выдюжим, прорвёмся! Собирайся, поедem с братом твоим знакомиться. Имя придумал ему?

Андрейка кивнул головой. Они с папой загадали: если родится брат, то будет зваться как дедушка, папин папа – Михасем. Дядя Иван удивился:

– А девчонку что, не ждали?

– Нет. Папа сказал: «Быть Михасику и точка!» Мама тогда поддразнивала его: «Ага, конечно быть. С голубыми глазками и двумя косичками».

Дядя Иван хмыкнул в усы. Да, Андрейка, мамка у тебя та ещё своевольница. С детства упрямая. Послушает и сделает

по-своему. А здесь не посмела отца твоего послушаться, исполнила его последнюю волю. Ну, что ж, Михась, так Михась. Имя хорошее, казацкое.

Андрейка тогда здорово расстроился. Дядя Иван, оказывается, шутил, когда говорил, что младенцев в «Детском мире» выдают по специальному талону. На самом деле Михасика им показали в обыкновенной больнице. Андрейке в больнице не понравилось и пахло там чем-то неприятным. Михасику тоже было не по себе. Он морщил нос и, покраснев от натуги, громко плакал, извивался всем телом, крутил головой, жмурил глаза. Дядя Иван подмигнул Андрейке.

– Брат у тебя, похоже, родился с характером. Рвётся из тугих пелёнок, свободы хочет. В нашу породу. Настоящим казаком будет!

Андрейка так не думал, но спорить с дядей не стал. Настоящие казаки не режут в два ручья, как бы им плохо не было. Ни при каких обстоятельствах. Так папа говорит. Плохо тебе, стисни зубы и вперёд. Вот Андрейка – настоящий казак. Он никогда не плачет. Даже, когда его соседская собака в прошлом году за ногу покусала, и кровь в разные стороны хлестала, Андрейка терпел. И когда доктор сорок уколов в живот делал, рану зашивал большой иглой – Андрейка тоже не плакал. Зато мама за них двоих отдувалась. Доктор даже

ей укол успокаивающий сделал. И сейчас она плачет. Качает на руках Михасика и ревет громче его, как маленькая. Хорошо, что их разделяет стеклянная перегородка. Она приглушала совместный ор мамы с братиком. Так ведь оглохнуть недолго! Андрейка поморщился. Как и папа, он не переносил женских слёз. Это проявление слабости...

Андрейка осмотрелся, выглянул за дверь в коридор, затем дёрнул дядю за руку:

– А папка где, в другой комнате? Можно, я его поищу?

Дядя Иван покачал головой, потянул к больничному диванчику.

– Давай, брат, присядем, поговорим...

В тот день закончилось Андрейкино безоблачное детство. Скоро оно, это детство, вместе с коротенькой жизнью закончится и у Михасика. Ему не повезло больше, чем Андрейке. Родился без отца, рано остался без матери. И вот теперь, в мучениях и страданиях, должен умереть здесь, в разрушенном доме.

Хоть мамке не пришлось долго мучиться, сразу убило. Андрейка, стиснув зубы, глухо застонал.

Боялся ли Андрейка смерти? А разве есть на свете такой человек, который спокойно может встретить и принять смерть? Впервые Андрейка узнал о её существовании в больнице, когда дядя повез знакомиться с новорождённым братом.

Там, в больнице, прежде, чем открыть Андрейке страш-

ную правду об отце, дядя Иван долго и путано говорил.

– Как всё, однако, в жизни непонятно и сложно устроено. Судьба-злодейка испытание за испытанием нам шлёт. Я ведь, Андрейка, не обманул тебя, когда сказал, что папка тоже здесь, в больнице. Только сейчас к нему нельзя. Ты его позже увидишь и попрощаешься с ним...

– А куда папа уезжает, можно с ним? – Андрейка нетерпеливо заёрзал на неудобном жестком диване. Дядя обнял его за плечи, вздохнул.

– Нет, сынок. Эта дорога в один конец, в вечность. Нам, живым, путь туда пока заказан. Каждому – своё время.

Андрейка не понимал дядиных слов. Нет!!! Всё, что он говорил – неправда! Папка не мог так с ним поступить: бросить и навсегда уехать! А как же он, мама, маленький братик?! Андрейка потянул дядю к двери:

– Не ври! Я к папе хочу! Где папа, быстро отвечай!!

– Андрейка, держи себя в руках. Мы с тобой мужики, ты понял? – Дядя Иван сжал детскую ручонку. – Я же тебе объяснил: отец здесь, в больнице. Только в противоположном крыле здания, в морге. И сейчас ты не сможешь с ним повидаться. Умер твой папка. Не смогли его спасти. Покинул свет в тот момент, когда Михасик закричал, сделал свой первый вздох.

Андрейка вырвался из дядиных рук и с криком бросился в конец длинного извилистого коридора:

– Папка! Папкааа...

Под боком завозился Тобик. Андрейка засунул его под одеяло, развернул поперёк. Так они с Михасиком согревались: упираясь ногами в тёплый живот щенка, тесно прижимаясь друг к другу. Заканчивались сухари. Догорала последняя свеча. Было очень холодно и хотелось пить.

Наверху больше не стреляли. А потом начался сильный ливень. Сквозь щель тонкой грязной струйкой потекла вода. Андрейка не разрешал Михасику сразу пить. Подставлял банку и ждал, когда она наполнится, грязь осядет на дно и вода станет чище.

Нашли их не скоро. Если бы не Тобик, вряд ли нашли живыми.

В тот день щенок начал вести себя беспокойно: вначале поскуливал, потом перешёл на лай. Лаял яростно и долго. До тех пор, пока не осип. Сверху слышался приглушённый шум, скрип половиц. Крышка приподнялась, в щель просунулась чья-то рука с фонарём. Жёлтый кругляшек света заскользил по стенам, выхватил из темноты грудку тряпья в углу погребца, сипящего, обессиленного Тобика.

– Ребята, ну-ка поднажмите, здесь кто-то есть!

Под приподнятую крышку просунулось бревно. Оно дёргалось до тех пор, пока крышка не сорвалась с петель. В погреб прыгнул солдат в камуфляжной форме. Потрепал за ухом Тобика, откинул угол одеяла, затем крикнул кому-то:

– Скиньте плащ-палатку, тут дети... Не знаю, сейчас проверю... Тёплые! Кажись, живые! Накройте там чем-нибудь женщину! Наверное, мамка ихняя. Незачем им видеть...

– Ну, что, сынок, как ты? Получше?

Михасик открыл глаза. Напротив кровати сидел человек в пятнистой форме. Давно не бритое, усталое лицо, глубокие складки в уголках рта, россыпь мелких морщинок вокруг смеющихся серых глаз. Папка?!

Казалось, солдат понял немой вопрос мальчугана. Покачал головой. Погладил лежащую поверх одеяла исхудалую ручонку. Затем нагнулся и приподнял с пола Тобика. Тот, поджав лапки, суетливо замахал хвостом.

– Пёс – настоящий герой! Держи своего спасителя...

Оказавшись рядом, Тобик, радостно взвизгнул и лизнул Михасика в щёку. Солдат шутливо щёлкнул Тобика по носу: не балуй!

– Отдыхай, малец. Теперь всё будет хорошо.

Михасик отвернулся к стенке, закрыл глаза. Хорошо теперь никогда не будет. НИКОГДА! Лучше бы их с Андрейкой сразу, вместе с мамой убило. Были бы сейчас они там все вместе, на небушке. Разыскали, наконец-то папку...

Михасик не помнил отца. Знал только, что тот был шахтёром. И хорошим человеком. Он погиб перед самым Мих-

аськиным появлением на свет. Как-то раз мама сказала, что это горе заставило Михасика поторопиться с рождением. Эх, надо было ещё раньше родиться! Тогда бы успел с папкой своим свидеться.

Все говорят, что он с ним – одно лицо. Но разве может такое быть, чтобы на двоих одно лицо? Михасик приставал к маме, чтобы разъяснила. Но мама только смеялась и говорила: «Чудак-человек!» А старший брат поддразнивал, называл его: «Михась двуликий».

Михасик решил: когда станет взрослым, будет как папа, работать в шахте, добывать для страны уголь. Но мама почему-то расплакалась и сказала:

– Ни-ког-да! Второй потери я не переживу.

Михасик покосился в сторону Андрейки. Думал, тот снова начнёт над ним смеяться. Но брат положил руку ему на плечо и тихо прошептал: «Не расстраивай маму». А вслух предложил:

– Я вот кораблестроителем стать хочу. Давай, ты будешь капитаном? Знаешь, какая у него форма красивая!

Михасик обрадовался.

– А можно, я буду капитаном самых дальних-предальних стран?

Мама притянула к себе сыновей, обняла, поочередно расцеловала.

– Конечно, можно, даже нужно. Один инженер, другой капитан далёких стран... Какое счастье!

Михасик сразу заважничал:

– А форму ты мне капитанскую сошьёшь?

– Непременно. Ты будешь самым красивым капитаном на свете...

– Самых дальних-предальних стран! – не удержался, ввернул Андрейка.

Вообще-то Михасик с Андрейкой между собой жили дружно. Дрались редко, всё больше в шутку. Разногласия разрешались мирными переговорами. Правда, иногда, на правах старшего брата, Андрей задирает нос. Но так, самую малость: подковырнёт, как сейчас, или же поучать примется. Это он любит...

Михасику вспомнилось, как незадолго до войны они ходили с Андрейкой рыбачить на Лугань. Брат насаживал на крючок мякиш хлеба. Плевал на него, закидывал удочку в реку. Рыбалка в тот день была удачная. В ведёрке плескалось несколько плотвичек, пара карасей. Заскучав, Михасик попросил у брата удочку. Тот, как всегда, принялся подтрунивать:

– Не дам, даже и не проси. Мал ещё! Вдруг рыба крупная словится? Утащит тебя, заморыша такого, вместе с удочкой под воду. Потом отвечай. И вообще: будешь мешать – домой отправлю!

Михасик с обидой топнул ногой: «Врун! Ты мне что обещал, забыл? Если буду сидеть тихо, дашь порыбачить. Я уже сто тысяч часов и минут тихо сижу!»

– Про секунды ещё забыл – сто тысяч часов, минут и секунд... Ты, Михасик, должен меня во всём слушаться и беспрекословно подчиняться, понял?

– Это почему? – удивился Михасик.

– Потому, что я старше тебя на целую жизнь. Нет, даже на три твоих жизни с хвостиком. Значит, я умнее тебя. – Андрейка хитро улыбнулся. Воткнув удочку в песок, сел рядом. – Вот скажи, сколько тебе лет?

Михасик сосредоточенно хмурия белёсые брови, безвучно зашевелил губами. Затем с важностью раскрыл ладошку:

– Вот сколько!

Андрейка засмеялся:

– Палец один загни полностью, а другой наполовину, счетовод! Три с половиной года тебе. А мне вот сколько... – Выставил вперёд раскрытые ладони, с ехидцей в голосе поторопил с ответом. – Ну, соображай быстрее, сколько это будет?

Михасик насупился: «Много!»

– Вот именно! – Андрейка самодовольно щёлкнул брата по носу. – Целых десять лет. Это три раза по три года твоей жизни и ещё половинка года. Теперь понял? – Михасик понял только одно: со старшим братом спорить – себе дороже. Поэтому молча кивнул головой.

– Раз понял, тогда займёмся делом. Нечего неучем бегать,

буду тебя счёту обучать. Вот смотри... – Брат вытащил из кармана конфетины в яркой шуршащей обёртке. Шоколадные, с вафельной прослойкой, Михаськины любимые. – Мама дала мне конфеты, сколько их?

Михасик обидчиво поджал губы:

– А мне почему не дала?

– Ответишь правильно, получишь свою конфету. – Успокоил старший брат. – Так сколько их у меня, сосчитай?

Михасик вскочил на ноги, сжал кулаки: – Отдай! Я всё маме расскажу!

– Не дам. Сначала ответь мне. – Начал выходить из себя брат. – Вот смотри. У меня в руке две конфеты. Одну я сейчас съем, сколько останется? – Андрейка зашуршал обёрткой.

От обиды защекотало в носу. Не в силах терпеть жуткую несправедливость, Михасик с плачем умчался домой...

Но это было так давно. Ещё до войны. Сейчас Михасику уже пять лет. И считать он научился не хуже самого Андрейки. Теперь запросто, на слух, он может угадать, сколько залпов произведено, из какого орудия. Война Михасика многому научила. Приучила попусту не хныкать, не лить слёзы. Не задавать лишних вопросов. В минуты обстрелов избегать открытого пространства. Хорошо прятаться. Внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не подорваться на mine. Мама тогда его хвалила за бдительность и расторопность. Говорила, что в свои неполные пять лет он прошёл настоя-

щую школу жизни.

Ещё бы, у Андрейки не забалуешь! Не хуже заправского командира разборки устраивал. Мог и тумака хорошего отвесить, если ослушаешься. Поначалу Михасик обижался, жаловался маме, но та только головой качала.

– СЫночка, видишь, какое сейчас тяжёлое, беспокойное время? Беда с горем подружками закадычными под руку ходят, в каждый дом заглядывают. В любой момент и к нам нагрянуть могут. Надо быть предельно собранным и готовым ко всему. Есть такая поговорка: предупреждён, значит, вооружён. Андрейка старше тебя, а значит мудрее и опытнее. Ему лучше знать. Слушайся брата во всём.

Тогда слова матери разозлили Михасика. Подумаешь, мудрее, опытнее! Андрейке просто повезло родиться раньше, вот поэтому и руки распускает, командиром себя считает. Пользовался тем, что Михасик слабее, меньше ростом. Не такой уж он глупый. Сам прекрасно понимает, что к чему, не маленький! Но другие, видимо, так не считали.

Как-то раз Михасик с приятелем Павликом без спроса решили погонять мяч на школьном стадионе. Но ребята постарше их прогнали. Сказали, нечего всякой мелюзге под ногами путаться. А тот, который в воротах стоял, Андрейкин одноклассник, даже кулаком погрозил и пообещал рассказать брату, что Михасик по городу безнадзорный бегаёт. Тогда они с Павликом решили на речку пойти. Потом начался обстрел, и они так долго прятались под старой баржой, что

не заметили, как уснули. Андрейка нашёл их поздним вечером. Выволок сонных наружу и давай с ором трясти:

– Вы что, ополоумели совсем, малыши сопливые? Да вас по всему городу разыскивают! На футбольном поле пацанов разорвавшимся снарядом посекло. Одному ногу оторвало, другого убило! Жить, что ли надоело? Быстро домой!

Дома, Андрейка, когда узнал, что они тоже часом раньше были на школьном поле, Павлик нечаянно проболтался, разозлился не на шутку. Снял с себя ремень и отхлестал Михасика по мягкому месту. А мама даже не вступилась за него. Из другой комнаты доносился лишь её приглушённый плач. Андрейка швырнул ремень на пол:

– Видишь, до чего мать довёл?! Чтобы из дома без разрешения ни на шаг, понял? Иначе такую трёпку задам, мало не покажется!

От нервного потрясения или от долгого лежания на холодной земле под баржой, Михасик заболел. Поднялась температура, начался сильный кашель. Поначалу он даже обрадовался болезни. Пусть теперь мама с Андрейкой посмотрят, до чего довели своим воспитанием ребёнка. Если умрёт, заплачутся, потому что совесть их замучает...

Эх, каким же он был глупым! Мальчишка – Андрейкин одноклассник, когда с поля футбольного их с Павликом прогонял – жизнь им спасал. А сам погиб от осколка снаряда, разорвавшегося там час спустя.

Выходит, за дело от старшего брата попало. Таким злым

Михасик его раньше никогда не видел. Лицо в красных пятнах, губы сжаты, а в глазах ярость. Сейчас Михасик понимал, это от переживаний за него Андрейка был таким злым. Но тогда он возненавидел старшего брата и очень обиделся на маму. Даже решил, что при удобном случае удерёт из дома. Пробрётся тайком на пароход и уплывёт далеко-далеко, в другую страну. Сначала будет юнгой, потом матросом. А когда подрастёт, непременно станет старшим боцманом и, может быть, даже настоящим капитаном.

Через много лет Михасик сойдёт с корабля на берег в белом красивом костюме, чёрных блестящих ботинках, с большим чемоданом, набитым до отказа разными подарками для мамы. Андрейке он из дальних стран ничего не привезёт. Хотя нет, привезёт. Клетку с говорящим попугаем. Попугай будет противно смеяться и без умолку выкрикивать: «Андрейка дурак! Андрейка дурак!...»

Тихо потрескивали дрова. В котелке булькала каша. Запах костра, гречки с тушонкой... Дядя Саша, так звали того самого солдата, который нашёл Михасика с Андрейкой в погребке, протянул пруток с насаженными кусками хлеба. Затем показал, как надо поворачивать над огнём, чтобы не подгорело. Тобику тоже понравился поджаренный хлебушек. Поглощал брошенные ему кусочки со скоростью пылесоса. Про-

плотит и лает, требуя очередную порцию. Солдаты развеселились.

– Всё, придётся Тобика на довольствие ставить, рацион увеличивать – не наедается наш парень! Любит, герой, плотно покушать... Вот, Михасик, с кого надо пример брать: ест за двоих, нет, за троих – за себя, тебя и Андрейку!

Дядя Клим, друг дяди Саши, взял в руки гитару. Перебирая струны, вполголоса запел: «А где-то рядом идёт война. Снаряды рвутся, гибнут люди...».

Андрейка дёрнул солдата за рукав:

– Дядь Саш, а можно мне здесь, с вами остаться?

Солдат нахмурился, покачал головой, затем коротко бросил: «Зачем?».

– За мамку буду мстить... дом наш порушенный... – Андрейка обхватил колени руками, опустил голову. Плечи его затряслись. Михасик никогда не видел брата плачущим. Он вдруг, сам того не желая, тоже захлюпал носом.

– Отставить слёзы! Быстро. Вот так-то лучше. А то развели здесь, понимаешь, мокроту! Теперь слушайте, что вам скажу... – Дядя Саша нашарил позади себя деревяшку, подложил в потухающий костёр. – Не дело детям под пули лезть. Здесь вам не войнушка. Смерть под каждым кустом притаилась. Тоже мне, неуловимые мстители нашлись! Кому мстить – разобрались? Вот и я об том же! Отец против сына, брат на брата. Не ведают, что творят. Злобой, слепой ненавистью друг к другу захлёбываются, роют могилы ни в чём неповин-

ным людям. Вот и вам жизнь сызмальства искорёжили, мамы лишили. Кто виноват, а кто прав – поди, теперь разберись, эх!.. Нечего, ребятки, вам в пекло лезть. Растите, учитесь, землю возрождайте, новую жизнь стройте. А, мы взрослые, со своими грехами сами как-нибудь разберёмся...

Михасик задумался над словами дяди Саши. Как такое могло случиться, чтобы отец против сына, брат на брата?! Почему? Зачем? Вот пойми этих взрослых: учат, поучают, воспитывают детей своих и чужих, а сами живут в злобе и ненависти. Да ещё, как там дядя Саша сказал: «неповинным людям могилы роют...».

Михасику расхотелось взрослеть. Неужели и он, когда придёт время, станет таким же?! А Андрейка? Он старше Михасика на целых шесть с половиной лет! Значит, повзрослеет раньше и раньше начнёт превращаться в злобного, бесчеловечного монстра?! Нет, нет, такого не может быть! Дядя Саша, верно, шутил, когда так говорил. Михасик не понимал, когда взрослые шутят, а когда говорят серьёзно. Не может брат идти против брата. Вот, как он, Михасик, против родного Андрейки, воевать пойдёт?!

Михасик украдкой посмотрел на старшего брата. Горло будто сжало невидимой рукой. Стало трудно дышать. В висках застучало маленькими молоточками: «мечь... мечь... мечь...». Вспомнилось, как Андрейка порывался сбежать из дома, чтобы мстить тем гадам, которые день и ночь обстреливали жилые кварталы, убивали стариков, женщин, де-

тей. Но если он возьмёт в руки автомат и начнёт мстить, тогда тоже превратится в убийцу?! И дядя Саша, выходит, убийца?! И его друг – дядя Клим?! Но они ведь хорошие, добрые! Они не такие гады, как те, которые разрушили Михаськин дом, убили маму?!!

Зачем, кому нужна эта война? Разве нельзя во всём разобратся мирным путём, вот как они с Андрейкой? Михасик дал себе слово никогда не обижаться и не злиться на брата. И оружие в руки он больше не возьмёт. Ни игрушечного, ни настоящего. Чтобы ни случилось. А если Андрейке вдруг вздумается против него воевать, постарается найти такие слова, которые остановят его. Напомнит слова мамы, которая часто повторяла в первые дни войны: «Лучше худой мир, чем добрая война, неужели нельзя по-хорошему договориться, как же так?!...».

Андрейка сбросил с плеча руку солдата, зло выкрикнул:
– Да идите вы все! Это вы, взрослые, нас в пекло тащите. Только и знаете, что поучать и воспитывать, а сами что творите?! Там людей убивают, а вы тут отсиживаетесь, кашу трескаете. Землю возрождать, новую жизнь строить? Зачем?! Для кого? Вы хоть сами верите в то, что говорите?

Михасик хотел броситься следом за братом. Но дядя Клим остановил его.

– Не надо. Пусть один побудет, в себя придёт. – Отложил в сторону гитару, потёр щетинистый подбородок. – У него в душе сейчас такое творится! Да, ребята, худое наследство

детям своим оставляем. Проклянут они нас и будут правы.

Дядя Саша снова подбросил в костёр. Языки пламени тут же весело заплясали на сухих полешках.

– В чём-то пацанчик прав. У того, кто войну развязал, бойню устраивает, народы стравливает, свой интерес. Беда наша общая в том, что доверились, кому не надо, повелись на пустые обещания о лучшей, сытной жизни. Вот и получается, что теперь мы не хозяева на своей земле. Продали её... за тридцать серебряников. Чего уж теперь говорить об этом. Детей жалко. Им после нас жить. Что же мы натворили!

Андрейка накрыл голову подушкой, словно пытался заглушить рвущиеся наружу слёзы, боль, отчаяние, злость. Было стыдно за свою выходку. Не мудрено, что дядя Саша разговаривал с ним, как с каким-нибудь малышом. Распустил сопли, слабак!

Под подушку просунулась влажная морда. Пёс прошёлся по Андрейкиной щеке шершавым языком. Затем устроился рядом, положил голову на вытянутые лапы. Глубоко, словно человек, вздохнул и затих, уставившись на хозяина преданными глазами. Андрейка притянул к себе Тобика, потрепал за шею.

Если бы они уехали из города сразу, в самом начале войны, тогда всё было бы по-другому. Ведь дядя Иван звал их

к себе, в Ростов. Но мама до последнего тянула с отъездом, верила, что всё скоро закончится и жизнь обязательно наладится.

– Сыночка, здесь корни наши, земля. В ней столько родных покой вечный обрели, папка наш. Как можно дом оставить, кто за могилками ухаживать будет? Не так просто бросить годами нажитое и начать заново обустраиваться в чужом краю, на пустом месте. Здесь, как бы ни было трудно, своё, родное. Оно силы даёт, питает. Всё будет хорошо! Постреляют для устрашения, пар выпустят и на этом закончится. Люди же, не звери. Должны придти к разумному соглашению...

Надо, надо было Андрейке настоять, уговорить тогда маму, спасти её. Михасик сейчас бы уже заканчивал первый класс. А он, Андрейка, обязательно поступил в морской кадетский корпус. Уж он бы постарался!

Теперь здесь ничего не держало. От родного дома почти ничего не осталось. Он стёрт с лица земли. Как и могилки родителей. Андрейка не знал, вернётся ли когда-нибудь назад. Некуда и не к кому возвращаться.

Скрипнула дверь. Дядя Саша присел на край кровати, откинул подушку, погладил Тобика. Тот, косясь на солдата, радостно заелозил хвостом.

– Слушай, брат, а я ведь к тебе с хорошей весточкой...

Солдат защёлкал кнопками, протянул Андрейке телефон:

– Разыскали дядю Ивана. За вами собирается, поговори

С НИМ...

К новому месту братья привыкали тяжело. Вокруг всё было чужим. И хотя мирно светило солнце, небо не темнело от пыли, чадающей копоти пожарищ, а земля не содрогалась от взрывов, на душе было пусто и тревожно.

Необъяснимая тоска, чувство глубочайшего одиночества охватили Андрейку, лишая его сна и покоя. Он часто вспоминал последний разговор с матерью, когда упрашивал её уехать из города. Только сейчас, находясь вдали от дома, Андрейка понял смысл материнских слов: «... родная земля питает своей силой».

Если выдернуть из земли любую травинку, куст – сразу завянет. Пересадить в другое место, будет долго болеть, а то и вовсе не приживётся, погибнет. Так, видимо, происходит и с человеком...

– Ну, сынок, дела у нас с тобой потихоньку двигаются! – Дядя шумно уселся напротив. – Для начала вот что скажи: есть какие задумки о будущем? Ты вроде как мечтал о море, кораблях. Не передумал?

Андрейка молча пожал плечами.

– Понятно. Теперь слушай сюда... – Дядя откашлялся. – Знаю, тебе сейчас очень трудно. Да и брату твоему, Михасику, мне, тёте Тасе – нам всем не легче. Но жизнь продолжа-

ется и обязывает нас двигаться вперёд, не смотря на трудности, утраты, потери. Так вот я к чему веду разговор: негоже сидеть целыми днями, в тоску впадать. Надо тебе, брат, всё-таки закончить школу. Как только получишь аттестат – прямиком в Морскую государственную академию имени адмирала Ушакова. Слыхал о таком? У меня в академии старинный друг, бывший сослуживец преподаёт. Он обещал подготовить тебя к поступлению. Ну, что скажешь? Добро?

– Добро! – Андрейка пожал дядину руку. Тот неожиданно притянул к себе племянника, обнял, похлопал по плечу:

– Мы ведь, Андрейка, с тобой одного казацкого, старинного рода. Нас, Хмельницких, так просто не сломишь и голыми руками не возьмёшь, верно?

– Верно!

– Ну и славно. Тогда сейчас обедаем, Михасика в охапку и в город. Одёжку какую присмотрим, принадлежности там всякие к школе прикупим... Мать, ты кормить нас думаешь? А где наш малыш, чего-то не видно, не слышно его? Вот он, племашик мой дорогой! Чего чумазый такой? Тётке пирожки помогал заворачивать? Ну-ка, ну-ка, иди сюда... Сшас усами как защекочу! – Дядя Иван подхватил Михасика, подбросил к потолку. Тот, цепляясь за дядину голову перепачканными мукой руками, испуганно дрыгал в воздухе ногами.

Андрейке вспомнилось, как когда-то отец точно так же подбрасывал его, маленького, несмышленного карапуза. Как он, раскинув руки, представлял себя птицей, взмывающей к

самому, самому небу...

Андрейка бродил между стеллажами книг, тетрадок и разной прочей канцелярии. Листая учебники, с наслаждением вдыхая знакомый запах типографской краски, он вдруг поймал себя на мысли, что скучает по школьной жизни, друзьям и даже занятиям.

Подбежал Михасик, молча потянул брата за собой. Подвёл к большому глобусу, ткнул в него пальцем.

Андрей догадался. Просит показать дальние страны. Братья принялись крутить глобус:

– Вот здесь мы недавно жили. А здесь – сейчас живём. Вот Волга, Дон, видишь – тоненькой ниткой обозначено... Где-то и наша речка Лугань должна быть... А это – Каспий, Каспийское море. Вот здесь – Азовское море, там – Чёрное. Когда-нибудь мы с тобой отправимся в путешествие по морям и дальним странам...

– Молодые люди, вы определились с товаром? Играть-ся будете позже, когда оплатите! – Высокий резкий голос продавщицы, давно наблюдавшей за мальчишками, заставил Михасика вздрогнуть. – Ходят тут, топчут, руками за всё хватают. Продвигайтесь, говорю, к кассе или к выходу.

– Гражданка, рот прикрыли и быстренько нас обслужили! – Дядя, подмигнув растерявшимся племянникам, напу-

стиль на себя грозный, недовольный вид. – Нам, пожалуйста, пакетик побольше. Берём это, это и вот это – глобус тоже посчитайте. И упакуйте, пожалуйста. Да, да, его – в отдельный пакет. А теперь, будьте добры, книгу отзывов покупателей. Как это нету?! Безобразия. Во всех магазинах есть, а здесь нет?! Непорядок. Тогда устный выговор вам. За полнейшее неуважение к покупателю и хамство. Ребята, на выход!

Андрейка с Михасиком переглянулись – вот у них, какой дядька. С ним не забалуешь!

Неподалёку от магазина, у проезжавшей мимо легковушки лопнула шина. Резкий хлопок, звук тормозов, вой сработавшей сигнализации, припаркованных у дороги машин, напугали Михасика. Повалившись на землю, он закрыл голову руками.

– Держи... Не надо, не трогай его... – Дядя передал Андрейке покупки, присел рядом, погладил Михасика по плечу. От крепко стиснутых зубов на щеках его заиграли желваки. Однако дядин голос казался спокойным и ровным.

– Михась, отбой! Ложная тревога. Поднимаемся, вот так... А ты, молодец, быстро среагировал. Вот, что значит боевая выучка. С тобой всё в порядке, не зашибся? Ну, тогда в кафе, стресс заедать. Как насчёт пироженки-мороженки? Не возражаете? Отлично. Значит, полный перёд! Андрейка, не отставать!

Время постепенно стирало в памяти Михасика черты мамино лица. Образ становился нечётким, расплывчатым, как на неудавшейся фотографии. Но Михасик хорошо помнил запах маминых волос, мамин певучий голос. Он любил наблюдать за тем, как она неторопливо расплетала свою длинную косу. Плавными движениями водила по волнистым волосам старинным черепаховым гребнем.

Мама рассказывала, что этот гребень перешёл к ней от бабушки по наследству. А маминой бабушке – от её бабушки. И что этому гребню около двухсот лет. Будто бы подарил его своей будущей невесте, Михаськин прапрапрадедушка. Он же потом построил для своей молодой и любимой жены дом из белого камня. Тот самый, в котором они жили. Выходит, Михаськиному дому тоже очень много лет. Мама шутила тогда, что дом ещё их, всех вместе взятых, переживёт. Увидит будущих внуков, правнуков. Потому как построен с большой любовью и заботой о будущих поколениях. Михасик вдруг заволновался: кому же дом потом перейдёт по наследству – ему или брату? Стал приставать к маме с дурацкими расспросами.

Андрейка вновь принялся за свои шутки. На правах старшего дом непременно достанется ему. Но, так и быть, он выделит Михасику заднюю комнатку и маленький чуланчик. Чтобы было куда, игрушки складывать. Михасик тогда сильно разозлился и с разбегу боднул насмешника в живот. Брат

схватил его за шиворот и дал под зад хорошего пинка. Мама еле разняла их. Шутливо стукнула лбами, затем поочерёдно поцеловала в макушку:

– Ну, какие вы у меня глупыши, в самом деле! Не ссорьтесь. Дом большой, просторный, место всем найдётся...

А ещё Михасик любил засыпать под мамины песни. Она никогда не пела весёлые песни. Только грустные и печальные. О широком, ревущем и стонущем Днепре, могучей вербе, скрипучем ясене...

Одна песня Михасику нравилась особенно. В том месте, где говорилось о бездонном небе, усеянном звёздами, мамины глаза начинали подозрительно блестеть, а голос заметно дрожать: «небо глибоке, засіяне зорями – що то за божа краса! Зірки миготять он по-під тополями, так одбиває роса...»

Михасику не все слова песни были понятны. Но он мог слушать её, затаив дыхание, часами. Он знал, что та песня о любви. Догадывался, отчего у мамы наворачивались на глаза слёзы.

Свернувшись калачиком и крепко зажмурив глаза, Михасик представлял себе белую хатку в цветущем саду, маму с отцом, на скамейке, под старой развесистой калиной. Крепко обнявшись, они смотрят куда-то вдаль. Счастливо смеются и о чём-то тихо шепчутся. А по вечерней долине стелется белый туман...

– Михаська, вставай, хватит дрыхнуть! – Андрейка сдёрунул с брата одеяло. – Смотри сюда! – Сунул сонному малышу в руки игрушку, пахнущую свежим струганным деревом. – Пока ты спал, мы с дядей Ваней кораблик доделали. От настоящего не отличишь, посмотри! Так что давай, придумывай кораблю имя. Ты ведь его капитан.

– Мирный! – Сходу вдруг выпалил Михасик.

– Матерь Божья! – Охнула тётка Тася. – Заговорил, вот ведь как... – Затем встрепенулась. – Отец! Да где ты там?! Михасик наш заговорил!

Послышался звук бьющейся посуды. Тётка всплеснула руками:

– Вот медведь неуклюжий! Так всю посуду в доме переколотит...

Дядька подхватил Михасика, закружил с ним по комнате.

– Повтори, что ты сейчас сказал? Ну же, родной?!

– Мирный! Мирный! Мирный! Пусть кораблик будет «мирным»! – Михасик заплакал. Но это уже были другие слёзы. Слезы облегчения и освобождения, смывающие с его души горечь страшных, тягостных воспоминаний. Впервые за долгие, долгие месяцы Михасику стало покойно и легко.

Андрейка протянул брату игрушку:

– Держи, капитан... – Чуть дрогнувшим голосом добавил: – Самых дальних-предальних стран.

Михасик, прижал к себе кораблик, вскинул руку. Андрей-

ка улыбнулся.

– К пустой голове руку не прикладывают.

– Ну-ка, Михась, погоди... – Дядя Иван опустил Михасика на пол и быстро вышел из комнаты. Через минуту вернулся, неся капитанскую фуражку и бинокль.

– После службы на память себе оставил, как знал, что пригодится. Держи, брат. Вот теперь ты настоящий капитан! – подвёл к старому в пол зеркала, подмигнул жене. – Посмотри, мать, каков красавец!

Тётка Тася, краем фартука промокнула глаза, покачала головой.

– Вот ведь глупая баба, не плакать, радоваться надо! – Дядя Иван притянул к себе мальчишек. – Какие мужики растут, орлы! Ничего, выстоим. Всё будет хорошо.